

Цзи Чжо и Шэнь Имо затаились в тени, и когда Чэн Юнь скрылся из виду, Шэнь Имо сказал:

— Я пойду поищу Чэн Юня, а ты присмотри за его женой и ребенком.

Цзи Чжо кивнул:

— Будь осторожен, сейчас он крайне опасен.

Шэнь Имо протянул руку, провел по щеке Цзи Чжо и с улыбкой произнес:

— Я не умру, так что можешь не тревожиться.

С этими словами Шэнь Имо взмыл в воздух.

Тепло от пальцев Шэнь Имо на лице Цзи Чжо мгновенно рассеялось, и он внезапно вспомнил тот день, когда они встретились впервые. Тогда Шэнь Имо был облачен в ярко-красные одежды, его лицо было густо накрашено и покрыто румянами, и он без всякого стыда бросился к нему в объятия, да еще и заявил:

— Молодой господин Цзи, внешне вы пришлись мне по вкусу...

— Госпожа Чэн, что с вами?

Голос прервал ход мыслей Цзи Чжо. Окинув взглядом улицу, он заметил прохожего, который расспрашивал госпожу Чэн.

В этот момент глаза госпожи Чэн постепенно заволакивало золотым свечением. В ночь полнолуния волчий яд свирепствовал особенно яростно: хоть рана у нее была и неглубокой, отравы всё же проникла в кровь.

Госпожа Чэн была всего лишь простой смертной — как ей было противостоять этому яду? Не успел прохожий опомниться, как она попыталась наброситься на него и искушать.

Цзи Чжо быстрым шагом подошел к госпоже Чэн, резким движением поднял ее на ноги и обратился к прохожему:

— Прошу прощения за беспокойство. Госпожа Чэн просто только что немного повздорила с Чэн Юнем. Чэн Юнь сгоряча натворил дел, а потом пожалел, но гордость не позволила ему признать вину, так что он попросил меня помирить их.

Прохожий уставился на рану госпожи Чэн и спросил:

— Эту рану ей тоже Чэн Юнь нанес?

Разум госпожи Чэн был помрачен, и она уже не могла говорить.

Прохожий вздохнул, решив, что молчание означает согласие, и кивнул на ребенка:

— Ладно еще вы, муж и жена, бранитесь меж собой, но ребенка-то за что калечить?

Мальчик всё еще лежал на земле и выглядевший так, будто крепко уснул.

Цзи Чжо подхватил ребенка на руки и с напускной досадой произвел:

— Мне нужно скорее отнести мальчика внутрь, при такой холодной погоде недолго и простудиться.

Прохожий подумал про себя: должно быть, эта госпожа Чэн поссорилась с Чэн Юнем и собиралась уйти к родителям вместе со спящим ребенком, за что и получила тумаков от мужа прямо у входа в постоянный двор.

Ему не хотелось вмешиваться в чужие семейные дела, поэтому он лишь бросил:

— Что ж, тогда побеспокою вас, молодой господин, — и, попрощавшись, удалился.

Воспользовавшись моментом, когда он поднимал госпожу Чэн, Цзи Чжо успел перекрыть ей точки на запястье, благодаря чему она не сорвалась в безумие немедленно.

Однако высоко висящая луна сияла всё ярче, и одним лишь пережатием точек сдерживать волчий яд было невозможно. Госпожа Чэн издала глухое рычание и бросилась Цзи Чжо прямо к горлу.

Ловким движением Цзи Чжо вывихнул ей челюсть, а затем, наполовину волоча, наполовину поддерживая, затащил мать с ребенком внутрь постоянного двора.

Войдя, он усадил их на скамью у стола, прислонив к стене, а сам пошел запереть дверь.

Стоило двери затвориться, как госпожа Чэн снова кинулась на него. Не найдя другого выхода, он одним ударом ладони лишил ее чувств.

Цзи Чжо оттащил госпожу Чэн в пустую комнату и, приложив обе руки к ее спине, принялся выгонять яд.

Яд в ее теле распространился неглубоко, и не прошло и времени, за которое выпивают чашку чаю, как она послушно выплевнула сгусток черной крови.

Уложив потерявшую сознание госпожу Чэн на постель и вставив ей челюсть на место, Цзи Чжо поднялся, чтобы сварить лекарство для ребенка.

Прежде чем выйти из комнаты, он бросил взгляд на лежащего рядом с матерью мальчика. Ребенку было всего года четыре — самый возраст для того, чтобы ластиться к родителям, но как же жалко, что после этой ночи он останется сиротой.

Приготовление отвара требовало немало времени. Цзи Чжо стоял на кухне и с бесстрастным выражением лица смотрел на клубы белого пара, вырывающиеся из полунового глиняного горшка.

Внезапно его слух резал пронзительный голос:

— Кто ты такой? Почему ты здесь?

Цзи Чжо обернулся и увидел пришедшую в себя госпожу Чэн. Лицо ее все еще было бледным, а глаза, уставившиеся на него, выражали крайнее изумление.

И правда, когда он появился перед ними ранее, рассудок госпожи Чэн уже был затмнен волчьим ядом, откуда ей было помнить, что произошло?

Но ведь незадолго до этого они с Шэнь Имо обедали на этом постоялом дворе, почему же госпожа Чэн не узнает его?

Видя, что Цзи Чжо молчит, госпожа Чэн проворно схватила кухонный нож с разделочной доски и, указав на него лезвием, потребовала:

— Не вор ли ты часом?

Холодным тоном Цзи Чжо ответил:

— Разве в вашей кухне спрятаны какие-то сокровища?

С этими словами он указал на лекарственный горшок, в котором под напором бурлящего отвара крышка ходила ходуном, и продолжил:

— Я заметил, что вы с ребенком упали без чувств у входа в постоялый двор, и занес вас внутрь. Вы долго не приходили в себя, а у ребенка поднялся сильный жар, поэтому я взял на себя смелость приготовить отвар по рецепту.

Госпожа Чэн отнеслась к его словам с половинчатым доверием, но нож из рук выпускать не стала и настороженно произнесла:

— Благодарю молодого господина за помощь. В другой день я непременно с малолетним сыном навещу вас с благодарностью, но уже поздно, прошу вас ступать домой.

Услышав это, Цзи Чжо испытующе спросил:

— А помнишь ли ты, куда отправился твой муж Чэн Юнь?

Госпожа Чэн не понимала, к чему клонит Цзи Чжо, но при упоминании Чэн Юня ее лицо мгновенно посветлело и она ответила:

— Мой муж отправился с двоюродным братом по делам в Личжоу, и я понятия не имею, когда он вернется. Он говорил, что, как только заработает много денег, мне больше не придется так тяжело трудиться и содержать этот постоянный двор.

Как вышло, что эта женщина совершенно забыла о том, что вчера Цзи Чжо уже возвращался?

Неужели это последствия воздействия волчьего яда?

Цзи Чжо задал следующий вопрос:

— Из-за чего вы с ребенком потеряли сознание у входа на постоянный двор?

Госпожа Чэн на мгновение растерялась, не зная, что ответить. В ее голове будто застрял комок ваты, и мысли совершенно не складывались.

Спустя долгое время она неуверенно произнесла:

— Вчера наш А-Бао приболел, и едва рассвело, я отправилась к Лекарю У... Лекарю У... Лекаря У не было дома...

Лицо ее исказилось от боли, и она пронзительно закричала:

— А потом... что было потом?!

Цзи Чжо шагнул к госпоже Чэн и крепко перехватил ее за запястье: пульс был ровным, но слегка сбитым — судя по всему, волчий яд затронул ее память.

Пожалуй, это даже к лучшему.

Ощувив его хватку на запястье и решив, что незнакомец намерен обесчестить ее, госпожа Чэн в отчаянии вскинула кухонный нож и со всего маху полорнула им сверху вниз.

Заметив, что лезвие летит ему прямо в лоб, Цзи Чжо ловко отпустил руку женщины и легонько щелкнул пальцем. Он почти не приложил силы — лишь кончиком пальца коснулся блестящего полотна, но острая сталь треснула прямо от его прикосновения, а затем с громким хрустом рассыпалась по полу горсткой ржавых обломков.

Лезвие разбилось, и в руках у госпожи Чэн осталась лишь рукоять. Охваченная ужасом и

паникой, она краем глаза заметила стопку сиявших чистотой тарелок, подбежала к ним и швырнула всю стопку в Цзи Чжо.

Посуда с звонком разлетелась на мелкие осколки, но Цзи Чжо и след простыл.

Уставившись на груды черепков, устилавших пол, госпожа Чэн пробормотала:

— Я обошла все места, но не нашла Лекаря У... А что же я делала потом?

Она протянула руку и нащупала рану на шее — та все еще побаливала. Откуда вообще взялось это ранение?

Тем временем Чэн Юнь кое-как добежал до какого-то переулка. Узкий и темный, он был совершенно скрыт от лунного света. Тяжело дыша и глядя на собственные конечности, уже сплошь покрытые волчьей шерстью, он испытывал смертный ужас. Он не смел громко закричать, боясь привлечь Шэнь Имо и Цзи Чжо, и ему оставалось лишь кусать собственные ладони, дабы заглушить рвущиеся из горла крики.

Его ладони заросли шерстью, и ощущение соприкосновения жестких волосков с языком и губами вызывало у него жуткую тошноту, желудок скручивало спазмами.

Внезапно он вспомнил, как только что растерзал горло собственной жены, и в этот миг ему показалось, что во рту отчетливо разливается сладковатый привкус человеческой крови.

Не в силах больше бороться с тошнотой, он прислонился к стене и его вырвало. Остатки пережженной пищи хлынули из горла прямо на землю.

Трудно сказать, сколько времени он простоял так. В безветренном переулке смрад извергнутой им массы целиком забивал ноздри, заставляя его снова и снова содрогаться в позывах рвоты.

Он приложил ладонь к бешено колотившемуся сердцу и окинул взглядом кучу грязи: в ней отчетливо виднелись клочья утиной и кроличьей шерсти, а также рыба чешуя — от прежнего человека не осталось и следа!

Шатаясь, он прошел немного вперед по переулку, прижался спиной к стене и принялся чутко втягивать носом воздух, выискивая запах молодого господина Лю.

Тот молодой господин Лю уже давно питал к нему недвусмысленные виды. Сам он никогда не обращал на это внимания, а Лю никогда не прибегал к силе, но раз уж ему предстояло умереть, следовало прихватить с собой и этого мерзавца.

Сегодня молодой господин Лю публично домогался его и с нескрываемым похотливым интересом разглядывал его жену — как после этого он мог позволить ему жить?

Сделав еще пару шагов вперед, он поднял голову и замер: в самом конце переулка стоял Шэнь Имо.

Одно лицо Шэнь Имо сияло персиковым цветом, другое же тонуло во мраке. Он был облачен в одеяния цвета ивовой листвы, поверх которых накинута лисьей шуба, выглядя при этом исключительно изнеженно и богато.

Ни в коем случае нельзя было попадаться в лапы Шэнь Имо в этот момент!

Чэн Юнь резко развернулся и бросился наутек, но не успел он пробежать и десяти шагов, как в задней части ног полыхнула острая боль, и он рухнул лицом в грязь.

Шэнь Имо подошел к распростертому Чэн Юню, присел на корточки, провел ладонью по его спине и со вздохом произнес:

— Разве ты не понимаешь, на кого ты сейчас похож?

Чэн Юнь открыл рот, желая что-то сказать, но вместо человеческой речи из его глотки вырвался лишь дикий волчий вой!

Шэнь Имо продолжал гладить звериную шкуру, пока не добрался до горла, и мягко проговорил:

— Тебе уже не выжить. Сегодня полнолуние, и хоть ты еще никого не убил, но уже разодрал горло собственной жене. Кто поручится, что в следующее полнолуние ты не сожрешь ее вместе с малолетним сыном? Позволь мне избавить тебя от мучений?

Опираясь на все четыре конечности, Чэн Юнь попытался отползти вперед, стараясь ускользнуть из-под контроля Шэнь Имо.

Но Шэнь Имо мертвой хваткой вцепился ему в горло и произнес:

— Я уйду отсюда только тогда, когда твой сын полностью поправится, так что можешь отправляться с миром.

С этими словами он собрался приложить силу, но Чэн Юнь вдруг дико взмахнул передними лапами, пытаясь распороть Шэнь Имо грудь. Шэнь Имо ничего не оставалось, как подняться на ноги и отступить на два шага назад.

<http://bllate.org/book/25332/3019913>